

рований технический журнал германской официальной промышленности. Тогда я впервые увидел «Юнкерсы», «Мессершмит» и узнал некоторые их технические характеристики. Немцы, obviously, не только оценивали советскую авиацию честно, если присыпало журнал, из которых специалисты могли многое понять; а может быть это было элементарным запугиванием.

Интересное пионерское лето вовсе не отрывало нас от больших событий в стране и мире, а

было их началом. К лету 1940 года войска фашистской Германии, через Бельгию, обойдя с севера французскую оборонительную линию Мажино, беспрепятственно вторглись во Францию и 14 июня без боя вошли в Париж; в том же июне Советский Союз присоединил Эстонию, Латвию, Литву, Бессарабию.

В молодёжных научно-популярных изданиях было много интересной, увлекательной информации из разных областей знаний. Помнится, в журнале «Наука и жизнь» шёл статья о надёжности линии Мажино. Это было, когда Советский Союз вёл мощную, разоблачающую фашизм, пропаганду.

В подобных статьях ненавязчиво говорилось о военной мощи наших потенциальных союзников по предстоящей борьбе с фашизмом. Но такой потенциал - Франция немцы положили на лопатки с первого захвата. Чкас - школьников были и свои вехи определения перемен: наши животы ходили от смеха на про-

смотрах фильмов Чарли Чаплина «Новые времена» и «Огни большого города», мы чуже предвкушали веселье на антисировавшийся фильм Чарли Чаплина «Диктатор»; вдруг об этом фильме заговорили, не стало в газетах антифашистского содержания карикатур Бор. Ефимова, Кукрыниксов (аббревиатура фамилий трёх известных советских художников Куприянова М. В., Крылова Г. Н., Соколова Н. А.), не стало и других агитационно-антифашистских материалов. Но вскоре в центральных газетах появилась фотография Иоахима Риббентропа — Министра иностранных дел Фашистской Германии, приехавшего на подписание Пакта о ненападении, и впредь, наступили новые времена:

В узких семейно-родственных общинах относились к меняющейся ситуации с тревожным пониманием. Сталин правиль но сделал, что подписал мирный договор (так в быту называли Пакт): мы проиграли соперничество с Гитлером в Испании, он показал силу в Австрии, в Чехословакии, ч него продержка в Италии, Испании, есть сильная Япония; так что всё верно, нам надо учреждаться. Однако последовавшие действия встревожили. Задум мы влезли в лодычу, зачем война с Финляндией (зима 1939/40 года)? С чего это вдруг тихая малолюдная Финляндия стала угрозой Ленинграду? Куда ведут все эти нерожданности? Ответа не было.

23.

Фактический раздел Гольши вызвал особую тревогу в нашей семье: в Баршаве жила сестра разной сестры моего папы, там было четверо маленьких братьев. Из антифашистской, дзятковской пропаганды мы уже знали о концлагерях из книг, стигающих нацистами (в центральных газетах пегатами фотографии таких безумств); о законах Розенберга (Нюрнбергские антиеврейские законы, 1935 год); мы знали из информационных сообщений газет и радио о хрустальной ноги (1938 год) — все германском погроме евреев: об убитых, о разгромлении собственности, об отправленных в концентрационные лагеря Бухенвальд, Дахау, Заксенхаузен; эти страшные слова уже были на слуху у нас в СССР, а значит и в других странах. Некое зрителю понятие о бесчинствах в фашистской Германии дал советский фильм «Преподор Мамок»; потом вышел фильм «Семья Оппенгейм». Хочу подчеркнуть: в военные годы в политике Советского руководства антисемитизма не было, достаточно обратить внимание на кадровую политику в стране, на возможность образования; наоборот, была атмосфера интернационализма, СССР был антиподом фашистской Германии.

Из элементов наглядной агитации того времени помню огромный

۹۴.

Транспорант = плакат, который был вывешен на улице Горького в Москве, если не ошибаюсь, на фасаде здания Центрального телеграфа. На плакате: мужчина в белой рубашке с украинским национальным прямоугольным орнаментом. На груди динамичным движением руки протягивает букет цветов красноармейцу в каске и с винтовкой с привинченным кинжалом. Целился содержанием плаката не соотнести с вспомогательной незаданностью навалившихся событий, настороженному ожиданию недавних перспектив. Всё это вело нас школьников в пионерское лето 1940 года, которое я называл трудным, потому что события продолжались. Мы были достаточно зрелыми и воспринимали всю жизнь, но и слишком молоды, чтобы не отказываться от юности; пионерское лето продолжалось в обычных интересных делах.

Постепенно подошла вторая половина августа. Солнце уже не притекало к окну днём и приобретало оранжевый оттенок, и этим тёплым, приглушенным юном, закрывало все видимую густоту округу, становясь ещё красче-вее и погранично-тише; только протяжные гудки паровоза доносчились

до лагеря. Мы небольшо стали прислушиваться к гудкам, ведь скоро зоной, новый чудесный год. Сборы к отъезду затягивались.

Подрядное построение сопровождалось долгой проверкой списков лиц каждого отряда, докладами начальнику пионерского лагеря. Затем была торжественная прощальная пионерская линейка, спуск флага. В на-

путственном слове начальник напомнил об интересных темах кружковых работ, поблагодарил педагогов, а нас - за активное участие

во всех мероприятиях, за то, что не было серьезных нарушений дисциплины, поже-

лял нам хорошо учиться и на будущее лето опять собраться здесь. После перерыва - в путь. Старшие отрядышли в конце колонны, чтобы не задавать быстрого темпа ходьбы

младшим. Но грустенно все смешались в одну толпу и весело, хотя и плачали, дошли до станции. Появился, наконец,

паровоз, съ весь лагерь с гиком, визгом, свистом взошли на бордюры счастья первых вагонов по-

езда; бордюры грохотали сохранившись до самой Москвы. Младшеклассников встретили родители, старшеклассников - далеко не всех;

был рабочий день. Задросто, но ребята скучали, мы поглощались и разошлись. Я шу встретила мама, ч мечты чуже не было. Никто

не мог подумать тогда, что на пригородной платформе Киевского вокзала закончился путь нашей юности: через 10 месяцев началась Великая Отечественная война. Они обост-

рила идей; понятия морального, нравственного и общественного значения; прояснила отношения между людьми; учила материальную зыбкость большого слоя людей, к которому принадлежала моя родня; Война — Это не только боевые действия, но и отношение к ней населения. Родность состояний времён закрепила в моей памяти происходившее в последний довоенный период.

Была ли война (Вторая мировая и Великая Отечественная) неизбежна? Да, главная

причина в том, что Гитлер, возглавлявшийся им с 1921 года Национал-социалистиче-ская рабочая партия Германии (наци), германский фашизм в целом хотели привести мир к Третьему рейху (Третий германской империи) на основе расизма — официальной идеологии фашизма. Её основные положения: вождизм (Фюрерство), тоталитаризм (государства с тоталитарным управлением); пангерманизм через геополи-тику, военная экспансия; антисемитизм; физическая и психологическая неравноценность человеческих рас и влияние этого на историю и культуру общества; высшие расы — создатели цивилизации должны господствовать, а низшие расы — быть эксплуатируемыми; исполь-зование идей социализма для привлече-ния народных масс к нацизму, фашизму.

Чт

Историческую справку о германских рейхах дано в приложении.

Противостоять этому могла только обединённая демократическая Европа вместе с Советским Союзом, но по ряду причин этого не произошло. Объединение цивилизованных демократических стран мира в антифашистский, антигитлеровский коалицию произошло уже в огне Второй мировой войны. Опоздание дало возможность германскому фашизму полностью вооружиться, что

общедоступному человечеству в десятки миллиардов погибших; наибольшее потери в

годы Великой Отечественной войны понес Советский Союз: по разным оценкам, в войне погибло от 20 до 37 миллионов человек; германские нацисты и их помощники-преступники в оккупированных немцами странах и на захваченной территории СССР успели соверить целенаправленную Катастрофу (Шоа) европейского еврейства: по данным международных комиссий, организаций учёных-женщин 6 миллионов евреев. Наша родня представлена во многих ликах войны, начиная с первого её дня.

Два братья мои двоюродные братья Розенбаумы Николай и Алексей, москвичи, жили в посёлке Алексеевское, ныне район напротив станции метро "Щербаковская" (в сторону ВДНХ):

Розенбаум Николай (Калмэн) Яковлевич, р. 1920 года, рабочий завода «Калибр», был призван

В армию еще до начала Великой Отечественной войны, служил красноармейцем под Павловом. Его мать - старшая сестра моей мамы - получила от него только одно письмо вскоре после начала войны. И все. То письмо я помню. Ух писал, это идут большие бои, ческачвал мати...

Розенбаум Алексей Яковлевич, р. 1922 года, учился в техникуме, был призван в армию в первые дни войны после начала войны. Со дня призыва - ни весточки.

Другой мой двоюродный брат -

Розенбаум Александр Яковлевич (Шура), р. 1915 года, редкий старший брат погибших Николая и Алексея, на фронте был солдатом - связистом. Он закатил катушку, то есть прокладывал временные телефонные линии связи между воинскими подразделениями, частями. Тяжёлый от веса провода, но легко барабанился ручной барабан, по форме и методу подзываемия напоминал обыкновенную катушку ниток. Отсюда солдатская ирония «закатил катушку». Шура с войны вернулся, но прожил всего несколько лет; своей семьи у него не было.

Третья солдатская мать - Софья Абрамовна Розенбаум, моя тётя Соня, когда-то высокая, красивая женщина совсем рухнула после смерти третьего сына. У старой женщины обострился диабет, ей отняли ногу. Судьба у тёти сложилась тяжёлая. В начале 1920-х годов умер её муж. Она осталась с пятью детьми. Самый старший сын Мотя (Матвей Яковлевич), родившийся до Первой мировой войны, после смерти отца оставил дом,

ж.

уехал из Челябинска в Москву и начал работать; поддерживал матёра с её родственниками в тесных контактах не был. После смерти Шуры Моты, его жена Нина — обаятельная женщина и их дочери Слава и Роза звали Сою живьем у них, но она отказалась. Осталась с внуком Бебой, которую воспитывала после смерти своей дочери Розы. Нашему дому не везёт на имени Роза. Из трёх женщин по имени Роза две умерли в молодом возрасте и от одной болезни — порок сердца. Это дочь Тёти, а также Роза Величанская — тоже моя двоюродная сестра. К сожалению, давно ничего не знаю о трёхородной племяннице Бебе Кауфман, о двоюродном брате Моте и его семье.

Не могу остановить трагические, хотя и краткие, воспоминания о Розенбаумах, не сказав о некоторых других фактах жизни моей родной Тёти. У неё не было специального, профессионального образования, как у большинства евреев её возраста, поэтому она могла быть в основном на неквалифицированных, низкооплачиваемых работах; в этом статусе её удерживали и плохое знание русского языка. Между тем у Сои было европейское, преимущественно религиозное, образование. Родители моей мамы успели до начала Первой мировой войны дать старшим детям такое образование. Соя изучала иудаизм, историю своего народа, знала еврейскую литературу; была религиозна.

В Советской России это не могло быть источником существования. В конце 1920-х годов Соя с маленькими детьми переселилась в Москву и

на свои финансовые крохи купила лачугу, букашку и лачугу, в селе Алексеевском.

Село Алексеевское и подобные ему окраинные, захолустные районы расширяющейся Москвы представляли собой обиталища бедноты — новых москвичей. Это был начальный период индустриализации страны, Первый пятилетки, расширения и реконструкции заводов и фабрик Москвы, строительство новых предприятий. Нужна была на все это большая масса рабочей силы; столица страны всегда обладает особой притягательностью. В алексеевских селах селились люди из беспроспективных провинций, а также чехавшие от голода на Украине; крестьяне, сбывшие каким-то образом избежать колхозизации; разорённые крестьяне; отдельные люди из низших рядов церковной иерархии, чуявшие в первом идея-ного и физического разгрома религии; прогнилод, утративший свою социальную среду, а вместе с этим — материальную базу существования. Таким были замечания

люм нараставшего рабочего класса для чеканного развития индустрии, в частности в Москве. Алексеевское представляло собой гоночек, застроенный бараками. Суть состояла от них, ниже, к обра-гут, назывались так называемые засыпные пост-ройки: пристройки, самое дешёвое в то время жилье в Москве. Это вот то: плотники скопливавшие из ветхиянных каркас жилья из досок; проекции каркаса заполняют сухой землёй, перемешанной с сухим песком; внутренние стены обивают фанерой и оклеивают обоими; такое жилье было только однотажным, по-

толок, он же - крыша. Приметально, доски, было -
такую прымкающую к потолку, «пришивали» так,
чтобы через какое-то время их можно было
ло отщипнуть и дополнить осевший слой земли.
(Чем ни «женщина в песках»!).

С родителями летом, в выходной день, я иногда
ездил в гости к Розенбаумам. Запомнился путь. От
трамвайной остановки надо было пройти через весь
барачный посёлок. В выходной день жизнь ки-
пела на улице: гармошки, часушки, песни, гиля-
вые, конечно «Барыня»; всё это - возле разных бара-
ков, потом сливалось в одну нестройную, чудесную

голосно-гармошечную мелодию: кто-то подоскал
белые возле водонапорной колонки; другой - в резино-
вых калошах пробирался к туалету. Асфальта на окра-
инах тогда не было, в лучшем случае - деревян-
ные настички по длине барачной цепи, а заще все-

го - чистячная земля. Встречал нас Коля -
высокий, изящный, чуткий, гентльменский юноша; у него был
характерный еврейский нос: чуккий, с большой горби-
нкой. Он работал на заводе и учился в сей фабри-
чно-заводского обучения (ФЗО - ФЗУ - ученица;

на их базе создали техникумы). Лёша на вид
был грубоственный парень, широкоплечий, физиче-
ски огонь сильный; больше всего любил сидеть
дома и читать. Помню, Соня жаловалась моей маме:
нет сил заставить его куда-нибудь ходить. Ко мне они

относились, как к «слишком младшему», подгёркнуту
внимательно: всегда занимали рассказом о
чём-то из прогитанного. Встречались мы не часто,
поэтому мне всегда было интересно с ними. Близ-

кий родственник как-то съязвил: Твой лёшка вместо нижней рубахи книжки натянул. Сит, работал бы лучше. Соня разозлилась: не твоё дело; если ты остался неучем, не значит, что мои дети должны быть такими же; помощь у тебя не прошу.

Соня покинула семейную встречу. Чутьём «Книжки» можно было только гордиться, обидел тёту намёк на её нуждаемость, которую она переносила сама.

Я обожал Сонину чайщину: большая миска с тёплыми картофельными оладушками и сладкий чай, да ещё с вареньем. В своей закрытушке она прожила до послевоенных лет, а когда вдоль Ярославского шоссе началось грандиозное кинематографическое строительство, Соне дали двухкомнатную квартиру, в которой она жила с бебой. Моя редкая (чтвею сейчас) и

последняя встреча с Соней была незадолго до её смерти. Встреча оставила огромное впечатление, и я решил, после многих колебаний, рассказать вам о ней. Моя тётя своей Фигурой, своей сущностью всегда воспринималась как монолит, как негорючий цельный; все знали, что она религиозна, но не все, — что в религии она находила духовную оторву.

В тот день я в этом убедился. От Сони осталось только имя: исхудавшее, измученное страданиями, лицо; отощавшие, обессиленные руки, которые глохно спрашивали с костылями. Беба сказала, что бабушка молится, но это было больше (на мой взгляд), больше, чем протекание напеванной молитвы, это был преисполненный доверия, искренности монолог, обра-

щёный к Всеышнему; она говорила в таких сбыгных разговорных интонациях, будто сидит напротив собеседника и в чём-то его.

убеждает. Мы могли сидеть на кухоньке и слушали. Она часто произносила Гóтено (в языке идиш окончание ю при обращении к кому-либо имеет значение исключительности, ласка-тельно=превосходящую форму). Соня спокойно, без эмоционального напряжения, размеренным и убеждающим тоном благодарила Его за то, что Он дал ей силы перенести смерть детей (я сразу обратил внимание на слово ибергейтен - перенести; она не сказала ибергейтен - пережить, смысл - вся разница очевидна); Соня благодарила за данную ей силы и крепость души (штаркэ нешумэ), которые помогали ей справляться с жизненными невзгодами. А сейчас моя душа растерзана (и нешумэ иш церисен), я обессилена, всем тяжело со мной (алемэн иш швер мит мир), ч.меня нет будущего на этом свете (их обнинт кайн оренунт аф дейм велт), прошу Тебя, забери меня из этой жизни, покажи меня; Ты всегда в моём сердце (эду бист эйбиг иш майин арц). На последних словах Соня разрыдалась. Я вошёл в её комнату после бебы. (Не знаю, передалась ли в кратком воспроизведении, да ещё по памяти, сима религиозности мольбы тёти Сони).

В селе Богородском - далеко за С-
колбниками, в районе завода «Красный Богатырь» - в однокомнатной квартире баракного дома жила семья младшего брата моей ма-

мы, моего родного языка Симы. ИКТЯОРЬ 17710 -
да, особенно его первая половина, была реше-
тойшим в судьбе Москвы, возможно и всей страны.
Вермахт - вооружённые силы Фашистской Германии
медленно, фактически беспрепятственно продвигалась к
Москве. Государственная и промышленная Москва
эвакуировалась; положение москвичей ухудшилось.

Медленное продвижение вермахта объясняли потом
трёмя причинами: опасениями западных ловушки со
стороны Красной Армии; отставанием в продвиже-
нии информативных служб немецкой армии; пере-
брюской частью сил вермахта с Московского на-
правления на Северокавказское. В один из опасней-
ших для Москвы дней сам Сталин стоял в сумах
перед готовым к отправлению спецпоездом. Если бы
Стalin покинул Москву, это могло бы, скорее все-
го, ознагать сдачу города.

Если предположение о западных действиях было
имело место, то оно, к нашему счастью, оказалось совер-

шенно ошибочным: в октябре (и до этого) Красная
Армия могла вести только оборонительные бои;
бдущий маршал Советского Союза Г. К. Жуков по
записи Столика выехал на некоторые подчи-
сковные командные пункты высших Команди-
ров, но не всегда находил их там. Хотя мы

не зналли тогда о спецпоезде и разгроме Жукова,
всё равно - ситуация осложнилась. Москва быстро сд-
новилась прифронтовым городом: на больших ули-
цах и магистралях устанавливали противотанко-
вые ежи, создавали баррикады, преимуществен-
но из мешков с песком, землей; таким же ме-

щками закладывали низкие этажи некоторых административных зданий и крупных магазинов. Назначение двойное: защита от бомбёз, а при чрезвычайных боях — укреплённые отневые точки. Недалеко от нашего барачного дома в Коптеве, в районе завода имени Войкова, в саду с школой № 201, в которой училась Зоя Космодемьянская, на большом колхозном картофельном поле установили батарею из зенитных батарей; четыре удлинённых ствола мощных 76-мм макетовых пушек грозно и обнажённо смотрели в небо; иногда когда это производилось проекторами; в последние боевые годы над Москвой стали поднимать первые дистанционные заслонки. Приказано было сдать на хранение радиотриёмники, чтобы враг не мог настроить свои радиолокаторы на радиоволны советской радиостанции; самая известная Тогда была — имени Коминтерна. Новый «СИ-235» я отнес на полку; это был первый советский бытовой приемник с прекрасным звучанием. Все слушали по прямой трансляции передач Радиодиктор — настоящую «Тарелку». В фокусах новостей говорилось о городах, которые Красная Армия оставила после чудорваков боёв, о зарождении партизанского движения. Известные драматические актёры часто читали «Бородино» Лермонтова, большие отрывки из «Войны и мира» Льва Толстого об оставленной Москве, организованных пожарах — обо всём, что соответствовало духу духу отечественных войн. Всё звучало актуально. Часто передавали шестую симфонию Чайковского. Это

рваться было невозможно: беспокойный, мягчива-
щийся, а временами призывающий образ, создава-
емый симфонией, не усмокаивал, потому что
ударно-смысловые фрагменты ассоциирова-
лись с ударами войны осени 41-го. Москву
явили готовили к различным поворотам её судьбы.
Никто не выключал радиопропаганду на фоне.

В помощь армии начали создавать народное ополчение;
в Москве и области организовали 16 таких дивизий:

одну из них 5 октября 1941 года был призван мой родной
дядя — Великанский Семён Александрович (Шиман)

р. 1903 года. Первые пять дней ополченцы на-
ходились и обучались военному делу в зоне школы
в самом же посёлке Богословском. Отец наставля-
ла старшая дочь Раиса; младшей было 2,5 го-
да. На шестой день моя фронтовая сестра Ра-
иса пришла навестить отца, но школа была без-

людна: ополченцы уехали на фронт. Ни одной ве-
сточки от дяди Симины семьи не получила; он погиб-
ши или того хуже, погиб в гиене, как и большая часть
ополчения — в боях под городом Ельня. В похоро-
нке (погребальной открытке) говорилось, что прошло без ве-
сти; спустя время выяснилось, что так писали и об изве-
стно чубитых Ельня — примерно 300 км на юго-запад
от Москвы в сторону города Смоленска.

О числах октября: 5 октября + 6 дней = 11

октября; из Москвы ополченцев до определённого
пункта в сторону фронта доставили транспортом,
потом начали сюжности фронтовых дорог, вклю-
чая бомбёжки вражеской авиацией движущи-
хся армейских колонн (в то время в воздухе гас-

подставляла немецкая авиация; остановки для укрытия от авианалётов.

остановки = привалы по другим причинам; необходимость вовремя при-

быть к месту назначения, склонённая реальной скоростью движений людей сверхпризывного возраста, повышенная требовательность в связи с этим к солдату («Не отставай!»), общая нервозность; неотложное по тем условиям введение ополченских частей в боевые действия;думаю,

что ополченская часть из посёлка Бородинского прибывала на фронт не позднее 13 октября; к 15 октября вермахт разбил пехоту подготовленные ополченские части, оборонявшие Москву, поэтому 16 октября ЧЕГО были для Москвы критическим, можно сказать — паническим, днём; один из дней периода 13-15 октября ЧЕГО считают днём гибели Симы.

(2)

Сын мои Симы, мой двоюродный брат —

Великанский Борис Семёнович (8.11.1924-7.06.1994)

после призыва в армию был направлен в город Дзержинск, Горьковской области на военно-техническое обучение. Как вышло в первой поло-

виде войны, поток курсантов снимали с обуче-
ния и отправляли на фронт. Профиль обу-
чения Боря я не знаю. (В редких послевоенных
встречах мы обсуждали немалые текущие про-
блемы.) Возможно, что он оказался в такой

же ситуации. В Ед Гризева, в 1942-ом, он был
шофером 65-го автотранса; 28 июля 1943 го-

да под Житомиром Западный Боря был ранен. (Это
Орловско-Белгородская операция; 5 августа
1943 года Советская Армия освободила област-

ные центры, города Орёл и Белгород). По наи-
денному обгоревшему Бориному нагрудному ме-
дальику решили, что он убит. Соболезную матери.
Представьте мать семейства с двумя грудничка-
ми и двумя детьми... Когда Боря оказался в

стационарном госпитале, в городе Муроме, он нап-
исал домой. Раз погналась к брату. После выво-
дования — отдать фронт (1944|45 гг), 36-ой авто-
полк. Боря Великанский награждён орденом

«Отечественная война», второй степени; меда-
лью «За Победу над Германией» и другими ме-
далями. После окончания войны и демоби-
лизации его легкая жизнь, к сожалению, сложи-
лась труднее обычного: отец — погиб; мать — в тя-
жёлом материальном положении; две сест-

рички - младшей Люсей, всего семь лет; в
солдатском кармане - фырка, одежды - все-
то-то в чём ушёл из армии, от государства
социальной поддержки - никакой. С чего на-
значать? Здесь стоит сказать о борином
характере. С детства его отличало высокое
самолюбие, позвой для которого было постоян-
ное стремление самостоятельно решать все свои
проблемы; независимость он ценил превыше
всего; до власти, деспотизма не до-
шёл. Но его мама, передав сыну эти характер-
ные для неё качества, пыталась бороться с ним
ми ~~и~~ в сопке; она пыталась подгнить
его своей сильной воле. В детстве и позже,
до войны, мы дружили, помню схватки ха-
рактеров; у мальчика не хватало обра-
зовательной аргументации для убедитель-
ного противостояния не доказательству, а свое-
образному насилию, и его, тоже упрямый, харак-
тер подсказывал отрицание. По мере взрос-
ления бори столкновения становились реже, но
баланс личных отношений не покорился до
тёплосенейного уровня.

У Бори была хорошая зерга: он никого
не считал себе обиженным; она ярко прояви-

лось в трудный последнемobilizationalnyy period.
У моего брата были три варианта пути к будущему:
один: закончить школу, получить аттестат зрелости и поступить в институт — же на это было жить, тем более что надо было помочь вырасти
младшую сестренку; учиться и работать —
такой нагрузки не позволяло здоровье, ослабев-
шее после войны; оставаться — работать по специальности, которую получил в армии: он пошёл во-
дителем автобусов московских городских линий;
многолетний труд закончился инфарктом,
Боря перевели на инспекторскую службу, до
пенсии. Со временем водители московских авто-
бусов стали хорошо зарабатывать, и Боря «под-
нялся». Женился он поздно, зато очень удачно:
Елизавета Райбишевна — уравновешенная,
рассудительная и хозяйственная женщина; они
прожили в согласии и спокойствии, наконец,
Боря пришёл к такому состоянию; Памятно их
украшенную квартиру в Тушине, свою видимость
она дополняла характеристику их жизни, рано об-
рванной Бориной смертью.

Семья дяди Симы была несколько в
стороне от обычного, неизвестного в нашем